

Элементы социальной сплоченности

Борьба без оружия — вопрос сложный. Без оружия человек чувствует себя незащищенным. Никто не готов рисковать просто так. Тирания побеждает из-за страха и изоляции, которые она вызывает у населения. Парализованные страхом наказания люди подчиняются. Мир тирании — это мир страха и смерти. В таких условиях ненасильственная борьба требует преодоления страха. Только тогда люди могут претендовать на победу. Самый большой страх — потеря жизни. Чтобы без оружия начать бороться с насилием тоталитаризма, нужно сперва преодолеть боязнь собственной смерти. Так как контроль страха смерти для человека это самое сложное, ненасильственное сопротивление встречается нечасто.

Ожидая насилие человек склонен инстинктивно прийти к выводу, что единственным адекватным ответом на него будет также насилие. С оружием в руках человек, как правило, чувствует себя уверенно — верно это или ошибочно. Создается впечатление, что возможность убить другого человека защищает его от собственной смерти. Как реагировать, если оружия нет? Ничего не остается, кроме, как полагаться на собственный ум и решительность. Хитрость — один из способов преодоления опасности, но лишь её недостаточно для того, чтобы преодолеть страх смерти. Столкнувшись с насилием человек без оружия отказываясь бежать или сдаваться, не имеет другого выбора нежели продемонстрировать исключительное нравственное мужество.

Одними из основных источников преодоления страха являются нравственные идеалы и религия. Человек должен верить в существование ценностей, которые важнее его физического выживания. Должен убедить себя, что сила ума сильнее любой грубой силы. Только тогда он будет в состоянии противостоять смерти, выходя за пределы собственной жизни. Здесь присутствует элемент жертвенности: когда человек, который борется без насилия, воспринимается как мученик либо святой. Верно ли это восприятие или нет, но ясно лишь, что не каждый обладает даром готовности к ненасильственной борьбе.

На коллективном уровне проблема совершенно иная. На протяжении многих лет историки и военные эксперты задавались вопросом, может ли гражданское население само организовать ненасильственное гражданское сопротивление. Интересуясь потенциалом такой стратегии, они не были оптимистичны насчет её результата. Они имели определенные сомнения из-за выразительного элитарного характера ненасильственного сопротивления. Им казалось, что такой вид сопротивления свойственен только для "святых". Они думали, что вряд ли к его применению будет готово всё население, если только оно не состоит из миллиона святых. Этот аргумент отбил желание у многих экспертов (но не у генерала **Боллардье**) в дальнейшем проводить исследования возможностей стратегий невооруженного сопротивления. , Это произошло прежде всего это потому, что они

не понимали сложные психосоциологические механизмы, задействованные в подобных стратегиях.

Ненасильственное сопротивление в одиночку сильно отличается от ненасильственного сопротивления в группе. Проблема обладания собственным страхом наиболее разительно отличается при этих двух разных обстоятельствах. Сражаясь в группе и из-за группы, люди могут идти на риски, на которые они не отважились бы в одиночку. Это происходит и потому, что ими движут общие чувства, так и потому, что принадлежность к группе, как правило, укрепляет чувство солидарности. Военные хорошо знакомы с этой основой коллективных действий. Страх, разделяемый с другими, переносится легче. Глубокие идеологические или религиозные убеждения уже не способны помочь преодолению страха; скорее, страх растворяется среди членов группы. Таким образом, мотивация для коллективного ненасильственного сопротивления отличается от мотивации для индивидуальной борьбы тем, что, в первом случае, вера в идеал не так важна. Безусловно, что это имеет отношение к самой идее борьбы. Борьба за что-либо подразумевает веру во что-либо. Однако в ситуации коллективного сражения, безоружная борьба теряет в себе тот элемент элитарности или «святости», который она может иметь в контексте индивидуального действия. Ненасильственное сопротивление возможно прежде всего благодаря чувству солидарности внутри группы. Главным условием для гражданского сопротивления в обществе становится степень социальной сплоченности последнего. Групповая сплоченность перед лицом агрессии служит стимулом к коллективному отказу от сотрудничества с агрессором.

Понятие социальной сплоченности не следует путать с понятием идеологического контроля над людьми, от которого пахнет необузданным тоталитаризмом. Общественная сплоченность и ее противоположность - общественный раскол - выражают относительную прочность связей, привязывающих отдельные личности и группы общества к его центру. В мирное время социальную сплоченность можно оценивать прежде всего по тому, в какой степени данная страна поддерживает свои институты. Социальная сплоченность не является синонимом политического единогласия. Хотя общество и может быть пронизано глубокими политическими разногласиями, его члены продолжают принимать те же правила игры, то есть те же институты. Поэтому настоящий политический раскол внутри данного общества происходит только тогда, когда у части общества возникает намерение свергнуть институциональную систему, которая формирует его структуру.

Однако определение социальной сплоченности не должно ограничиваться уровнем развития институтов. В еще большей степени она основана на трудно объективируемом ощущении настоящей и полной принадлежности члена общества к последнему. Это предполагает, что каждый человек имеет те же гражданские права, что и любой другой, а также, что он чувствует себя в этом обществе так же, как и другие его члены. Таким образом это составляет некий психологический способ признания других и чувство признания ими. Когда все чувствуют себя взаимосвязанными и интегрированными в огромную сеть связей, составляющих общество, крепкая общественная сплоченность становится вероятной. Но как только

какая-либо группа начинает чувствовать себя исключенной из общества, в котором тем не менее она формально присутствует, становится вероятным общественный раскол.

Во времена кризиса общественную сплоченность можно оценить по той степени, до которой общество во время нападения объединяется против агрессора. Если агрессия происходит извне, то такая сплоченность должна достаточно быстро привести к поляризации общества и его борьбе против "инородного тела", пытающегося в него проникнуть. Таким образом, условия внешней агрессии кажутся благоприятными для выражения того, как общество может организовать своё сопротивление и выступить против захватчика единым фронтом. Однако обрести эту собранность "социальному телу" не так легко. Это возможно только в том случае, если существовавшие до нападения между различными группами общества связи оказались достаточно прочными, чтобы выдержать такой шок. Чем большей сплоченностью обладает гражданское общество, тем лучше оно может противостоять вооруженному нападению.

Человек хорошо защищает только то, чем он дорожит. Человек по-настоящему готов идти на риск только за то, с чем он крепко связан. Отсюда следует, что, чем глубже в обществе внутренние разногласия перед нападением, тем труднее будет организовать в нём гражданское сопротивление. Вполне возможно, что в таком случае "общественное тело" не сможет выдержать повторяющиеся удары захватчика. Те группы общества, которые уже чувствовали себя исключенными из него, почувствуют, что им будет нечего терять, если они перейдут на сторону оккупанта. Таким образом существовавший в обществе до нападения раскол с большей вероятностью приведет к тому, что население будет сотрудничать с оккупантом или оставаться пассивным в борьбе с ним.

Внутренние факторы

При столкновении с внешней агрессией общественная сплоченность в первую очередь исходит от самого оккупированного народа как результат исторических, социологических либо идеологических факторов, присущих стране, на которую напали. Если гражданское сопротивление было более развитым в Норвегии, чем во Франции или Бельгии, то частично это может объясняться тем, что там изначально было больше общественной сплоченности, чем в других странах. Конечно, трудно количественно описать понятие общественной сплоченности (которую, как отмечалось выше, не следует путать с отсутствием конфликта). Будучи молодым современным государством, основанным в 1905 году, в 1920-е годы Норвегия прошла через глубокие социальные и политические конфликты. Но когда в 1930-е годы к власти пришли социалисты, несмотря на свою близость к консерваторам они приняли меры по борьбе с неравенством, существовавшим ранее в обществе. Когда же немцы вторглись в их страну, этот консенсус привел к тому, что основные политические лидеры объединились в своей поддержке короля. Это были те же самые лидеры, которые были уже дискредитированы в глазах общественного мнения, критиковавшего их ранее за слабость и безответственность перед лицом растущей немецкой угрозы. Однако король был осторожен в том, чтобы не поддерживать эти обвинения, всегда стараясь вовлекать правительство в разработку

его решений. С наступлением кризиса правительство национального единства Норвегии действовало с сильной политической и общественной сплоченностью.

Действительно, особенно активным было сопротивление в Норвегии. В феврале 1941 года Тербовен санкционировал основание Норвежской нацистской партии для создания организации, к которой принадлежали бы все работники государственной службы. Это вскоре вызвало протесты местных профсоюзов, ассоциаций и групп, объединяющих граждан. Таким же образом Тербовен хотел втянуть в NS все спортивные объединения страны так как они казались нейтральными. Реакцией объединений на это стало прекращение всякой деятельности, организация массового вывоза своих членов, и спортивные соревнования в Норвегии перестали проводиться до конца войны. Это первое сражение на «спортивном фронте» может показаться очень скромным, даже незначительным. Но заставив молодежь осознать опасность существования нового режима, этот протест сыграл важную роль.

Другие организации также начали выступать против попыток их контролировать. В мае 1941 года движение протеста достигло своего апогея подписанием всеобщей декларации 43-мя профессиональными, культурными, спортивными, религиозными, профсоюзными и другими ассоциациями, которые насчитывали в общей сложности 750 000 членов. Эта декларация выражала протест против планов норвежской нацистской партии по контролю над общественной жизнью страны. Несколько лидеров протестующих были арестованы, а члены норвежской нацистской партии были назначены главами ряда протестовавших организаций. Эта крайняя мера привела к массовому оттоку их членов, что в конечном итоге не столько ослабило их, сколько дало им новую жизнь. В июне 1941 года, наиболее влиятельные лидеры протестующих организаций решили основать подпольный Комитет гражданской координации и сопротивления (Sivorg), который стал ведущей организацией норвежского сопротивления, наряду с Milorgom - своим военным крылом. Этот месяц стал переломным для гражданского сопротивления в Норвегии, До этого оппозиция была открыто выраженной и некоординированной; после этого, организация сопротивления стала тайной и начала следовать правилам согласования своих действий.

В такой обстановке прогрессивной мобилизации гражданского общества вскоре появилось два других "фронта", если использовать выражение самих норвежцев. Это церковь и школа. Это не было случайностью. Наоборот это продемонстрировало коллективную решимость всего общества сбросить с себя идеологическую смиренную рубашку. Борьба норвежского гражданского сопротивления была четко сосредоточена вокруг основополагающих общественных ценностей в стране, где церковь и школа не представляли антагонистических направлений мысли. Более того, совместной борьбе пасторов и учителей поспособствовало создание в Норвегии объединенного министерства образования и религиозных культов.

В то время 96 процентов населения страны принадлежало к национальной лютеранской церкви. В феврале 1941 года её настоятель Эйвинд Берграв, находясь под сильным впечатлением от недавней отставки Верховного Суда и будучи

шокирован поведением «полицей» Квислинга, направил новым властям страны письмо. Это подписанное всеми епископами письмо, упрекало власти за их действия в течение предшествующих месяцев и, в частности, за их недавнее решение об отмене традиционного пасторского права не передавать полиции информацию, полученную в ходе исполнения своих церковных функций. Одновременно Берграв предложил создать своего рода церковный совет, который бы перегруппировал, существовавшие в норвежской церкви разнонаправленные тенденции в новую и более широкую структуру. Перед войной норвежская церковь пережила несколько крупных внутренних кризисов, в особенности из-за конфликтов с некоторыми приходами в западной части страны. После того, как правительство даже не соизволило ответить на их послание, епископы решили обратиться с пастырским письмом к прихожанам, чтобы проинформировать их о сложившейся ситуации. 9 февраля 1941 года этот документ был зачитан в большинстве церквей страны, несмотря на то, что многие его копии были перехвачены полицией. С твердой решимостью осуждая режим пастырское послание артикулировало четкую политическую позицию: «Когда те, кто представляет власть в обществе, потакает несправедливости и насилию над человеческими душами, Церковь должна выступить хранительницей человеческой совести. . . Поэтому епископы церкви заявляют министру о том, что церковь считает некоторые официальные акты и заявления в отношении нынешнего управления обществом . . . находящимися в конфликте с законом Божьим».

Чтобы успокоить церковь Тербовен предложил епископам подписать декларацию, призывающую к «победе Германии над большевизмом». Епископы отказались играть по его правилам и, в июне 1941 года, дали ему понять, что отказываются выполнять его требование. В течение нескольких недель ряд епископов были уволены.

Крупный конфликт разгорелся, когда в феврале 1942 года Квислинга назначили министром-президентом. Это была всего лишь почетная должность, поскольку реальная власть оставалась в руках местного рейх-комиссара. Однако в этом назначении лидера нацистской партии Норвегии был явный признак того, что Германия полна решимости в конце концов убедить Норвегию в преимуществах нацистской идеологии. В реальности новость о назначении Квислинга не замедлила вызвать отрицательную реакцию и разозлить население. Церковь отреагировала на неё первой. 1 февраля, в день официального назначения Квислинга, религиозные лидеры и их приходы бойкотировали службу в его честь, которая должна была проводиться в Тронхеймском соборе в Осло. На следующий день, настоятель собора Фьелбу был уволен министром. В ответ епископы выпустили следующее пастырское послание, зачитанное в приходах страны 1 марта 1942 года. Полностью не соглашаясь с правительством епископы объявили, что больше не считают себя связанными с ним и призвали пасторов разделить их позицию. Эта мера произвела значительное психологическое воздействие на население, поддержавшее принципиальную позицию церкви. Часть пасторов была уволена, а сам предстоятель церкви был глубоко озабочен случившимся.

В пасхальное воскресенье 5 апреля 1942 года епископы и пасторы Норвегии официально разорвали все административные связи с государством, тем самым потеряв свое право на зарплату. Тем не менее они настояли на том, чтобы продолжать исполнение своих духовных обязанностей. Квислинг посчитал это актом «активного мятежа» и пригрозил худшей участью тем, кто не передумает. Этому шантажу поддались только 50 пасторов из 850. Несколько десятков упорствующих епископов и пасторов были арестованы, а предстоятель церкви был помещен под домашний арест. В ответ сотни представителей интеллигенции и преподавательского состава подписали петицию, призывающую освободить из тюрьмы Бергграва и остальных. Великий богослов Карл Барт обратился с письмом поддержки к предстоятелю, а архиепископ Кентерберийский похвалил церковь Норвегии за ее твердость и стойкость, о которой скоро стало известно всей Европе. Несколько пасторов были арестованы и высланы из страны, но это ничего не изменило. До конца войны в Норвегия не было своей национальной церкви. Назначение Квислинга также радикализовало конфликт между новой властью и обществом, который выражался в протестах учителей. Еще до войны, большинство норвежских учителей уже было в профсоюзах, поскольку членство в профсоюзе являлось в то время глубоко укоренившейся практикой. В течение первого года оккупации три профсоюза учителей (два, объединяющих учителей начальных школ, и один преподавателей вузов) решили создать одну общую тайную структуру. 5 февраля 1942 года, через несколько дней после принятия поста главы государства Квислинг издал закон о создании союза нового профсоюза норвежских учителей (*Norges Laerer-samband*).

По его плану, организация этого профсоюза должна была стать пробным камнем в строительстве корпоративного государства фашистского типа, фундаментом для «Новой Норвегии». С этой целью Квислинг также объявил о создании национал-социалистической молодежной организации, в которую должна была вступить вся молодежь в возрасте от 10 до 18 лет. Реакция учителей на эти меры не заставила себя ждать. 11 и 12 февраля на секретной встрече в Осло профсоюзные лидеры приняли решение полностью отвергнуть эти меры. Однако лидерам необходимо было найти способ, которым большинство учителей страны могли бы выразить свое несогласие. Забастовка не казалась им лучшим методом, поскольку она выявила бы для властей наиболее воинственных участников и создала бы для них риск быть обвиненными оккупантами в провокации. Было необходимо выступление более прямого действия. Такого, в котором могло бы принять участие наибольшее количество людей. Профсоюзные лидеры рассмотрели возможность метода посылки индивидуальных петиций. Краткий текст для них был составлен в помощь Эйвинда Бергграва: "Я, такой-то, отказываюсь принимать участие в воспитании молодежи Норвегии согласно принципам, предусмотренным Объединения национал-социалистической молодёжи, так как это противоречит моей совести .... Я считаю необходимым заявить, что я не могу считать себя членом профсоюза учителей". Каждый учитель должен был написать этот текст и, подписав его своим именем и адресом, отправить министру образования и религии. Для того, чтобы эта массовая акция оказала реальное воздействие на власти, было решено отправить все письма в один и тот же день - 20 февраля. В течение двух следующих дней министерство получило около 4000 писем протеста, за которыми последовали еще сотни.

Примечательно, что на призыв к протесту откликнулось почти 90 процентов учителей городских школ. Что же касается преподавателей вузов, то они отправили свои письма протеста против создания нового профсоюза 24 февраля. Норвежская церковь также поддержала эту акцию и использовала свои информационные каналы для её пропаганды.

Столкнувшись с такой непредвиденной коллективной инициативой правительство было не уверено, как поступать дальше. 25 февраля министр объявил, что все учителя, которые не откажутся от своей петиции до 1 марта будут уволены. Одновременно он объявил о решении закрыть школы на месяц «по причине отсутствия отопительных материалов», начиная с 27 февраля. Это стало объяснением, показывающим замешательство властей. Названный предлог звучал достаточно неуклюже в стране, покрытой лесами. Предложения о поставке дров посыпались со всей Норвегии. Многие учителя решили проводить свои уроки в частных домах. Этот "вынужденный отпуск" фактически стал возможностью для учителей разъяснить цели своего движения населению, в особенности родителям своих учеников. На самом деле новость о протесте еще не упоминалась в подцензурной печати. Закрытие школ было для многих граждан первым признаком того, что учителя и новый режим вступили в конфликт. Закрытие школ также посеяло недовольство среди родителей учащихся, которые начали писать свои личные письма протеста. По разным оценкам между 100 000 и 200 000 образцов одного письма пришло в министерство от разгневанных родителей. Поскольку учителя заявили, что выплата им заработной платы была остановлена, и что некоторым из них угрожает арест, населением были созданы фонды поддержки для помощи учителям и членам их семей.

К началу марта всего лишь несколько десятков учителей оставались членами официального профсоюза. Тербовен и Квислинг решили прибегнуть к силовым методам. 20 марта 1100 учителей были арестованы и высланы в различные исправительно-трудовые лагеря на севере страны. Самая большая их группа прибыла 28 апреля в Киркенес, маленькую деревню на границе с Финляндией, неподалеку от русского фронта. Здесь, глубоко за Полярным кругом, учителей поселили к русским военнопленным, жившим в ужасающих условиях. После ареста учителей 22 марта епископы выступили с публичным заявлением и объявили о своей поддержке протеста учителей.

Эти депортации ставили целью запугать учителей и образумить их. После этого, министерство объявило, что школы вновь откроются 1 мая и что учителя, вернувшиеся к преподаванию, будут с этого времени считаться членами нового профсоюза, а их взносы будут автоматически вычитаться из заработной платы. Преподаватели чувствовали за собой поддержку населения, особенно со стороны церкви и родителей своих учеников. Хотя движение и было немного ослаблено недавними арестами решимость большинства оставалась неизменной. Они по-прежнему отказывались от обязательного членства в профсоюзе, но теперь решили вернуться к преподаванию в школах. В первый же день занятий каждый из

вернувшихся учителей сделал следующее заявление в соответствии с инструкцией своего профсоюза:

«Пребывание в рядах Норвежского союза преподавателей и работа учителя являются для нас несовместимыми. . . . Наша задача состоит в том, чтобы дать каждому из вас необходимые знания и подготовить к становлению как человеческой личности, для того, чтобы вы смогли обрести свое место в обществе во благо себе и другим. Призвание учителя состоит не только в том, чтобы давать детям знания; учителя также должны научить своих учеников вере в правду и справедливость. По этой причине учителя не могут преподавать что-либо, что расходится с их совестью и убеждениями не изменяя своему призванию, ... Я обещаю вам, что никогда не буду этого делать.»

Это новое проявление твердости со стороны учителей помогло им выиграть в своей борьбе. Квислинга обуяла боязнь, что он больше не сможет контролировать ситуацию. Двумя неделями ранее священники и епископы подали в отставку одним блоком. Тербовен пришел к мысли, что инициативы Квислинга только вызывают все большую враждебность населения. 25 апреля министерство образования и религии опубликовало циркуляр, в котором признавало за каждым учителем его право не признавать принципы национал-социалистической партии, но тем не менее настаивало на их автоматическом членстве в официальном профсоюзе. Хотя таким образом эта профсоюзная структура была формально сохранена, она потеряла свой изначальный смысл. Преподавателям удалось саботировать планы Квислинга. Он сам признал это в своей речи 23 мая: "Наши учителя несут ответственность за то, что мы еще не заключили мир с Германией. Вы, учителя, разрушили все, к чему я стремился". Эта фраза повторялась затем во всем мире. Она ознаменовала собой победу учительских протестов.

В последующие месяцы депортированных в трудовые лагеря освободили. В последний момент немцы лишили часть узников их членства в национал-социалистической партии, но это не изменило хода событий. Преподавателям удалось мобилизовать общество на борьбу и нанести политическое поражение Квислингу. Борьба учителей стала символом норвежского сопротивления. Квислингу так и не удалось выполнить свой план построения корпоративного фашистского государства. После подчинения школьной системы нацистским принципам Квислинг планировал взять под свой контроль профсоюзы. Но последовавшие за движением учителей протесты населения заставили его отказаться от своих намерений. Тербовен посчитал, что эта инициатива грозила вызывать всеобщую забастовку, чего он, естественно, не хотел. Магне Йенсен, на котором лежала основная ответственность за составление «индивидуально-коллективных» писем, так описывал эти события после войны: «Эти письма послужили созданию на довольно раннем этапе того чувства солидарности, которое было так необходимо для гражданской борьбы. Они побороли чувство личной изолированности и страх остаться в одиночестве, который был главным оружием нацистского террора».

Эта замечательная групповая сплоченность примером которой было поведение большинства норвежских учителей, проявилась также и в странах, где сопротивление было не таким интенсивным. На самом деле, когда представителей какой-либо профессии крепко удерживают вместе высокие моральные принципы или традиции своей деятельности, то это часто развивает в них честь мундира, которая предохраняет их от захвата в таких кризисных ситуациях, как оккупация. Тот факт, что большинство работников одной профессии являются членами одних и тех же организаций, может укрепить их борьбу и сделать ее более последовательной. Такая идейная и организационная сплоченность становится важным фактором в развитии гражданского сопротивления.

Случай гражданского сопротивления, сопоставимого с Норвегией, имел место в Голландии, несмотря на ее политически ослабленное государство из-за сотрудничества Генеральных секретарей. Голландские врачи во многих отношениях сыграли роль подобную норвежским учителям. В обеих странах проходила борьба с "нацификацией" профессии во имя моральных ценностей, которые определили сплоченность групп. В обоих случаях массовая акция была организована индивидуально-коллективными письмами с ценной поддержкой церковью и общественного мнения.

В Голландии все началось не так, как в Норвегии. Лидеры медицинской ассоциации, с которой были аффилированы почти все врачи страны, голландского Общества продвижения медицины (NMBG) начали с заключения опасного компромисса с оккупантом. Лидеры NMBG задались вопросом, какое положение врачи должны занять в этой новой ситуации с оккупацией. Как и их соотечественники немногие из них были обольщены нацистской идеологией; сильные моральные или религиозные убеждения отдаляли их от нее. Горстка сотрудничающих врачей, связанных с партией Антона Муссерта, в ноябре 1940 года создала новую организацию - Медицинский Фронт. Близкий соратник комиссара Рейха, доктора Рейтера, участвовал в переговорах с лидерами Общества продвижения медицины, которые надеялись взять общество под свой контроль. 18 мая 1941 года эти лидеры приняли одного члена Медицинского фронта в общества продвижения медицины. Как только это решение было принято немецкие власти дали понять, что роль этого участника Медицинского фронта в том, чтобы заставить весь голландский медицинский корпус подчиняться. Среди более административных реформаторских предложений были нормы, которые предусматривали исключение еврейских врачей.

Большинство врачей, которые прежде были пассивны, отреагировало отрицательно на эти меры. В июне 1941 года часть врачей провели встречу и обратились к своим коллегам с призывом покинуть лавы Норвежского общества продвижения медицины. В течение июля началось движение выхода из него. Это движение усилилось еще больше, когда 14 августа католическая медицинская ассоциация также потребовала массового выхода из общества. Это решение было принято в соглашении с голландским Епископатом. К концу лета 1941 года большинство из 5,700 участников общества продвижения медицины покинуло его ряды. Столкнувшись с таким сильным движением неповиновения и будучи не способным его контролировать,

Генеральное Управление общества продвижения медицины предпочло уйти в отставку 27 сентября.

В течение лета связи между участниками сопротивления стали намного крепче и стабильнее. До такой степени, что врачи в конечном счете решили создать подпольную организацию. 24 августа 1941 года более динамичное среди них заложили фундамент новой ассоциации, которую они назвали «Медицинский контакт». Потом они разослали письма коллегам, которые, по их мнению, могли бы стать региональными лидерами организации. «Медицинский контакт» был официально создан 14 сентября 1941 года во время его первой Генеральной ассамблеи в Утрехте.

В то время как врачи тайно организовывались немцы готовили новую организацию здравоохранения – Палату голландских врачей, которой они полностью управляли. В июне 1941 года немцы объявили о проекте, цель которого состояла в том, чтобы применить национал-социализм к практике медицины. Первой задачей «Медицинского контакта» стал призыв заставить как можно больше врачей подписать письмо, мешающее немцам реализовать их план. Адресованный немецким властям, этот текст, в частности гласил:

«вашего внимания не могло избежать то, что мы, врачи, покинувшие Нидерландское общество продвижения медицины выражаем наше убеждение, что функция врача, наделенная высокими моральными и духовными принципами, должна оставаться вне всякого политического вмешательства.... У нас есть причины бояться, что неизвестные нам государственные служащие,... могут вмешаться в лечение наших пациентов и заставлять нас сотрудничать более или менее непосредственно.... Связанные профессиональной присягоймы чувствуем себя обязанными объявить вам, что мы будем соответствовать высоким ценностям этой присяги, которая хранила нашу профессию с начала истории. Мы никогда не будем признавать другой путь, чем тот, признанный нашей совестью, нашей профессиональной обязанностью и нашей наукой.»

16 декабря 1941 года письмо было доставлено представителю комиссара Рейха. Его подписал 4 261 врач. Эта первая акция произвела такое сильное впечатление на врачей, что они начали признавать власть «Медицинского контакта». Кроме того, так как немцы не хотели прибегать к репрессиям, этот успех вдохновлял врачей продолжать борьбу. 19 декабря 1941 год спустя три дня после того, как петиция была доставлена, вышел декрет объявляющий о роспуске Нидерландского общества продвижения медицины и создании Палаты голландских врачей. Врачи всей страны были автоматически зарегистрированы. Реакция «Медицинского контакта» была быстра. «Медицинский контакт» советовал своим участникам, просто на просто, проигнорировать новую организацию, не заполнять формы и отказаться платить взносы. В январе 1942 года приблизительно 3000 врачей послали другое письмо с этой целью. Новая медицинская организация была таким образом фактически

мертворожденной с самого начала; она получила в члены только горстку пронацистских врачей в стране.

Однако игра еще не была выиграна. После этих событий немецкая полиция начала интересоваться медицинской отраслью. Они арестовали и заключили в тюрьму некоторых врачей в течение короткого времени, и, в сентябре 1942 года официальная Палата голландских врачей еще раз решила послать формы для членства врачам. «Медицинский контакт» в свою очередь, послал призыв не заполнять формы, и только 700 из форм были возвращены заполненными должным образом. 15 января 1943 года власти объявили, что врачи, которые не присоединятся к Палате до 1 марта будут оштрафованы на 1 000 флоринов. Некоторые сдались, не выдержав такого давления, но большинство продолжило сопротивляться. Когда сопротивляющиеся врачи были вызваны, чтобы заплатить штрафы, ни один не этого сделал. Их приговоры тем не менее были оглашены: штраф 1000 флоринов и обязательство присоединиться к Палате в течение двух недель. Если врач не давал ответа в течении двух недель, его облагали новым штрафом в 1000 флоринов и так далее, пока он не сдавался. Риски были серьезны: умножающиеся до неопределенной суммы штрафы, могли ослабить сопротивление и даже сломать его в течение короткого времени. «Медицинский контакт» взял на себя ответственность за платежи штрафов, но как долго он мог это продолжать?

Чтобы выйти из ситуации «Медицинский контакт» решил сослаться на статью 5 декрета 19 декабря 1941 года, которая гласила: "Врач может объявить о прекращении медицинской практики. Соответственно он теряет право называться доктором". Этот текст позволил врачам не использовать звание "доктор" без дополнительного согласования с властями. Как только он больше не был официальным членом медицинской профессии, становился "отставным" врачом, то должен был платить взносы или штрафы организации, к которой он не принадлежал. 24 марта 1943 года несколько тысяч врачей послали письма о своей отставке. Тем не менее они продолжали работать по своей специальности де-факто, удовлетворяя медицинские потребности населения. Они знали, что таким образом попадали под закон о «незаконной практике медицины», но этот результаты этого акта гражданского неповиновения казались стоящими попытки.

Чтобы обнародовать свой жест "врачи" решили снять свои вывески, таким образом сообщая людям о движении. Общественное мнение явно одобряло позицию докторов. Таким образом, даже те врачи, которые раньше сторонились организаций, как, например, «Медицинский контакт», теперь не хотели остаться позади и присоединились к движению. Они также сняли свои вывески. Даже те врачи, которые наиболее сильно поддержали Палату, сделали это. В целом больше чем 6 200 врачей - почти все практиковавшие в 1943 году - приняли участие в этом движении. Акция обрела национальный масштаб. Кабинет Генеральных секретарей не хотел выражаться открыто, но также не хотел идти вразрез с движением. Генеральный секретарь по социальным вопросам сообщил, что поведение врачей не подпадало под закон «О незаконной практике медицины». Церковь ,

особеннокатолическая также была благосклонной к движению и фактически помогала ему с самого начала.

Столкнувшись с такой демонстрацией силы немецкая администрация согласилась провести переговоры. Это привело к соглашению. Врачей больше не вынуждали иметь членство в Палате, если они снимали свою вывеску. Но немцы не сдержали своего слова и стали снова требовать членства в Палате с 18 мая. В то время 360 врачей были арестованы, а их офисы закрыты. Следовательно многие их коллеги ушли в подполье. Система здравоохранения оказалась парализована. В результате новых переговоров возобновили предыдущий компромисс. Было согласовано также, что официальная Палата должна сохраниться, поскольку её подавление немцами повредило бы престижу комиссара Рейха, который лично надеялся на её создание. Никакой врач не был вынужден быть членом Палаты. В течение лета 1943 года были освобождены заключенные в тюрьму врачи.

Голландские врачи продолжали борьбу до освобождения своей страны. Она была освобождена. Например, они боролись против контроля медицинских фондов немецкими коллегами и против принудительного труда в Германии. Это сражение против официальной Палаты, однако, стало кульминацией конфронтации между врачами и режимом. Согласно историку Вернеру Вармбрунну "действия докторов можно считать почти идеальным примером несотрудничества с немецкой военной машиной, которое было возможным из-за почти единодушной поддержки и превосходной организацией участников, а также тем фактом, что врачи были незаменимы; массовый арест докторов стал бы крупной катастрофой с точки зрения и немцев, и голландцев".

Результат сопротивления голландских врачей был, как не странно, подобен тому, сопротивлению учителями Норвегии. Институт, которая сотрудничала оккупантом формально сохранялась, но в действительности никто не был обязан быть её членом.

В странах, где общественный консенсус был слабее, у гражданского сопротивления был более ограниченный масштаб. В Франции и в Бельгии по различным культурным или политическим причинам существовали глубокие внутренние конфликты еще перед войной. Позже они и сыграли на руку оккупанту. Первым последствием отсутствия внутреннего единства стал сам феномен коллаборационизма. В Бельгии пропорция коллаборационистов относительно населения в целом оказалась самой высокой. Отсутствие организованного сопротивления с начала оккупации было ещё одним последствием. В течение двух лет после немецкого вторжения проявлялись отдельные группы, представляющие различные политические тенденции и нюансы. Анри Бернар отметил, что «бельгийский индивидуализм привел к формированию чрезмерного количества групп.» Такой анализ также хорошо применим к Франции.

Должны ли мы сделать вывод, что в этих двух странах не было никакого консенсуса? Безусловно, нет. Франция и Бельгия обе слишком старые страны, чтобы несмотря на

разногласия, не иметь граждан имеющих общии ценности. Вторжение и травма, которую оно нанесло, полностью сепутали традиционные, обычные системы взглядов,. Возникла новая и абсолютно беспрецедентная политическая ситуация. Франция и Бельгия разрывались изнутри. Любое сопротивление казалась абсолютно утопичным. Понадобилось время, чтобы построить новое единство, даже в среди оппозиции. Патриотические ценности — то есть, те, которые защищают национальное самосознание от иностранного вторжения — положили начало согласию. В этом смысле различные исследования показали, что те, кто сопротивлялся, считали себя прежде всего патриотами. Чтобы вернуть свободу завоеванные общества должны были сформировать идентичность, которая преодолевала бы все политические разногласия. По большей части эта идентичность была проявлена в патриотическом идеале.

В этом медленном процессе завоевания и повторного овладения консенсус начал формироваться в дни празднования символических годовщин. Эти торжества возвратили воспоминания о значимых в истории страны национальных событиях и закладывали основу согласия. Популярные и непосредственные марши протеста, которые отмечали годовщины национальных событий основания, проходили во многих странах оккупированной Европы.

Первое такое событие произошло в Чехословакии 28 октября 1939 года, в годовщину создания независимого чешского государства. Несколько тысяч человек, одетых в национальные цвета, митинговали на улицах Праги. Они столкнулись с чешской полицией и Гестапо. через несколько дней спустя тяжело раненный в столкновениях студент, умер от ран. Его друзья решили организовать ещё одну демонстрацию 15 ноября, в день его похорон. Нацистская репрессивная машина была свирепа, и тысячи студентов были депортированы. 17 ноября все университеты страны были закрыты до конца войны.

В Голландии и Норвегии были также эпизоды показательной лояльности королевским семьям. 29 июня 1940 года в день рождения принца Бернарда много голландских граждан согласно их обычаю носили белую гвоздику на своих воротниках. . Норвежцы же прикрепили цветок к одежде в день рождения короля Хэкона 3 августа 1942 года. Много националистических демонстраций прошли в важных городах Бельгии Брюсселе, Антверпене, Льеже и Шарлеруа 11 ноября 1940 года в годовщину конца Первой мировой войны и победы над Германией. Самая популярная листовка, объявляющая об этом праздновании, гласила: «Давайте сформируем блок, и пусть вспоминая об этом дне угнетатели будут единодушно вспоминать именно эту демонстрацию».

В Брюсселе, где 10 ноября прошла крупнейшая демонстрация перед памятником Неизвестному солдату собрали горы цветов и венков. На следующий день несколько тысяч человек прошли по улицам столицы, напевая государственный гимн и выкрикивая лозунги, враждебные к немцам. Немецкие репрессии были ограничены, но оккупанты пригрозили кабинету Генеральных секретарей более серьезным наказанием, если такие инциденты повторяться.

Во Франции прошло самое большое количество символических демонстраций, как будто само повторение их было остро необходимо, чтобы излечить внутренние противоречия страны. Истинный ритуал символических демонстраций имел место во Франции, показывая "фетишизм высоких фестивалей", - писал Анри Ногурье. Первая демонстрация после начала оккупации прошла в Париже 11 ноября 1940 года. В этот день несколько сотен студентов, выкрикивая националистические лозунги и напевая Марсельезу, прошли по Елисейским полям прежде, чем их арестовали. Лишь немногие отметили, что сам генерал де Голль также призвал к демонстрациям этого типа несколько раз из Лондона. Это было, вероятно, средством для французских лидеров в Лондоне проверить боеспособность их населения и пробудить дух националистического сопротивления. Радио стало идеальным инструментом для достижения к этой цели. В первом обращении генерал де Голль 23 декабря 1940 года призвал французов оставаться в закрытых помещениях и не выходить на улицу в течение часа 1 января 1941 года. Он объявил на «Би-би-си»:

«Наступающее 1 января с 2 до 3 часов дня обеднее время в неоккупированной Франции. Ни один французский человек не должен выходить на улицы наших городов или наших деревень. Только враг появится там.... Все французы останутся внутри за закрытыми дверями или в одиночестве или среди семьи или друзей. В течение этого часа для размышления мы будем все думать об Освобождении вместе. Это будет час надежды.»

Трудно оценить реальное воздействие этого обращения, повторяемого де Голлем несколько раз к 1 января. Кажется, что этот приказ особо выполнялся в оккупированной зоне; в Париже немцы в ответ организовали бесплатную раздачу картофеля в это же самое время. Лондонское радио озвучивало много других призывов к демонстрациям. "Свободная Франция" призвала к однодневному забастовки замедленной работой 5 сентября 1941 года. Де Голль обратился к французам с просьбой 31 октября провести всеобщую пятиминутную забастовку, стоя по стойке «смирно», чтобы выразить протест против первой казни заложников во Франции (та, что произошла в Шатобриане 22 октября, в отместку за убийство немецкого солдата). В его речи на «Би-би-си» 25 октября, генерал объявил:

«Стреляя в наших мучеников враг думал, что напугает Францию. Франция покажет, что она не боится.... Она докажет это, стоя по стойке «смирно» в полной неподвижности. В следующую пятницу днем с 4 часов до 4:05 вся активность должна быть приостановлена на всей территории Франции.... Все французские мужчины и женщины должны оставаться неподвижными, застыть прямо там, где он или она будет находиться — в полях, на фабриках, в офисах, в школах, в магазинах.... Эта огромная национальная забастовка покажет врагу и предателям служащим ему, какая гигантская угроза вырисовывается перед ними.»

В другой речи другой известный представитель «Свободной Франции» Марис Шуманотметил, что действие должно происходить с предельным спокойствием без

криков или незаконного собрания. Впервые, коммунисты исполняли голлистский приказ. Приказ исполнялся настолько массово и беспрекословно, что немцы даже попытались спровоцировать инциденты, препятствующие его выполнению в нескольких городах.

Лидеры внутреннего сопротивления неоккупированной зоны попросили, чтобы де Голль озвучил призыв к демонстрации 1 мая 1942 года. Он не возражал и действительно призвал французов в южной зоне "тихо пройти перед статуями республики и ратушами наших городов и деревень." Впервые с начала войны, манифестации прошли в нескольких больших городах на юге страны. В них приняли участие десятки тысяч участников из Лиона и Марселя, нескольких тысяч в Тулузе, Монпелье, Клермон-Ферране, и так далее. Они спели и "Интернационал" и «Марсельезу», засвистали нового премьер-министра Пьера Лавалья, и прославляли имя де Голля. В восторженном отчете личный делегат генерала Жана Мулин написал:

«Это первая объединенная демонстрация Сопротивления. Она ясно обозначила единство идей движения и решимость Сопротивления следовать за де Голлем, которого все прославляли, как лидера и как символ. Даже если она не имела одинаковый успех везде, то по крайней мере она имела значительный эффект на самих активистов, которые в первый раз почувствовали, что между Лондоном и местными руководителями существует координация.»

Это предоставило хорошую возможность де Голлю усилить его влияние на рабочий класс и привлечь их на его сторону. Для местного же Сопротивления это был способ доказать себе, что оно становилось властью к которой надо считаться наряду с Лондоном.

На протяжении всей оккупации Франция проводила демонстрации каждое 14 июля, в день ее национального праздника, а также 11 ноября - день, который отметил конец Первой мировой войны. С первого года немецкого присутствия эти даты дали возможность для людей или небольших групп продемонстрировать их приверженность к своим национальным ценностям. Люди выставляли трехцветный флаг в своих окнах или одевались в те три цвета; семьи часто одевали своего первого ребенка в синий, второго в белый, а третьего - в красный цвет. После успеха демонстрации 1 мая, 14 июля 1942 года стал днем одной из крупнейших демонстраций, которые Франция видела с начала войны. И опять радио из Лондона играло существенную роль. 5 июля 1942 года Шуман обратился к французам с просьбой показывать национальные цвета 14 июля и собираться перед символическими памятниками в неоккупированной зоне.

Эти призывы к действию повторялись несколько раз до конца войны, завершающиеся короткой речью де Голля, заканчивающегося этими словами: "Флаги - наша гордость; парады - наша надежда; «Марсельеза» - наш гнев. Мы нуждаемся и все еще держимся за гордость, надежду и гнев. Завтра всё это увидят"! Важно, что обращения подчеркивали координацию между Лондоном и внутренним движением Сопротивления, и что, кроме того, приказы ставали все более точными и тон, все

более и более торжественный, чем ближе приближался день победы над Японией. 14 июля префект из Лиона сам насчитал больше чем 100000 человек на улицах своего города. Несколько тысяч или десятки тысяч людей собрались в Гренобле, Тулузе, Валенсии, Вене, где полиция пела Марсельезу наряду с 4000 демонстрантами. Хотя эти толпы обычно собирались без стычек, в Марселе было не так - люди были убиты последователями генерала Дориота, которые стреляли в демонстрацию. 19 июля похороны убитых послужили случаем для другой демонстрации, которая была и в этот раз созвана по «Би-би-си».

С вторжением в южную зону 11 ноября 1942 лондонское радио остановило свои призывы к общественным демонстрациям. Оно, однако, продолжало формировать общественное мнение так, чтобы каждый гражданин мог отмечать национальные события по-своему. Эти торжества приняли другие формы: саботаж, забастовки или захватывающие взрывы на улицах мужчинами партизанами, как это произошло в Ойонне 11 ноября 1943 года на церемонии возле памятника Погибшим. 1 мая 1944 года немцы огласили национальным выходным, чтобы попрепятствовать движению Сопротивления организовывать всеобщую забастовку в этот день. Но демонстрации 14 июля 1942 года были важны, даже если только одна часть страны выражалась открыто. Эти действия отметили существенный шаг к медленному возрождению патриотической идентичности французских граждан, на которой могло быть построено организованное сопротивление. Численность демонстраций удивила не только государственные органы, но и их организаторов. Они показали Виши и всему населению, что движение Сопротивления действительно существовало, могло влиять и было достаточно структурированным, чтобы заставить считаться с его требованиями. В конце концов, демонстрации показывали успех координации между внутренними и внешними движениями Сопротивления. Действительно, через национальные символы, посредством тайных движений, которые организовывались всё чаще и через отдаленного, но все более и более уважаемого лидера, Франция возвращала свою идентичность.

Внешние факторы

В дополнение к факторам, базирующимся на убеждениях и типичном поведении общества под оккупацией нужно тоже учитывать сплоченность людей, которая основывается на конкретных особенностях данной агрессии и сопровождающих её оккупационных условиях. Хотя это и кажется неожиданным с теоретической точки зрения, но сама агрессия выступает в роли фактора, способствующего сплоченности - в роли события, которое может ускорить процесс единения и придать ему нужную форму. Таким образом оккупированное население вдруг становится сплоченным именно из-за оккупации. Все зависит от стратегических целей захватчика в отношении захватываемых (от того, чего первый хочет от вторых), а также от оккупационной тактики, то есть от поведения, которое выбирает для себя оккупант.

Говоря в общем отношении оккупанта (например, степень его жестокости по отношению к оккупированному населению) частично определяет сплоченность. В этом контексте похоже, что ключевым фактором развития социальной сплоченности

выступают репрессии. Мы привыкли считать репрессиями те крайние меры, которыми тирания насаждает террор среди своих подданных. Обычно мы принимаем это наблюдение, как само собой разумеющееся, поскольку история, к сожалению, изобилует случаями, подтверждающими это. Однако в таком случае мы перестаем адекватно воспринимать обратную сторону этого явления, а именно то, что, по достижению определенного порога, репрессии становятся контрпродуктивными по отношению для выполнения поставленных целей. Вместо того, чтобы расколоть терроризируемое общество репрессии его объединяют. Применяя слишком много репрессий захватчик добивается единодушия. Как это ни парадоксально именно поэтому репрессии могут создавать сплоченность. Общества, которые могут быть внутренне неустойчивыми перед войной, таким образом могут сомкнуть свои ряды ради свержения захватчиков.

Так произошло, например, с Польшей. Невероятная жестокость нацистских репрессий привела к созданию нового единства в этой стране. Крайняя степень репрессий со стороны оккупанта способствовала тому, что оккупированное население отказывалось от сотрудничества с нацистами. Это конечно не означает, что никто из поляков не хотел быть коллаборационистом. Однако в то же время польская буржуазия и крестьяне не автоматически не воспринимали немцев в штыки автоматически. Более того, сложность национального вопроса усиливала раскол среди разных слоёв польского общества, находившихся в разных зонах немецкой и советской оккупаций. Таким образом в восточной Польше некоторые украинцы стали переходить под влияние СССР, а затем под влияние немцев в своем противодействии полякам и евреям, в то время как в западной части Польши некоторые поляки немецкого происхождения стали подыгрывать немецким оккупантам. Однако на территории Общего правительства нацистская жестокость была настолько суровой, что заставляла отказываться от сотрудничества с немцами многих из тех, кто изначально был к нему предрасположен. В любом случае оккупанты даже не попытались создать там коллаборационистского правительства. Вообще отношение Берлина к Польше всегда было расплывчатым, за исключением одной вещи: Гитлер хотел уничтожить интеллигенцию и польскую культуру, как таковых. Польское сопротивление более известно восстанием варшавского еврейского гетто в 1943 году, чем восстанием 1944 года в самой столице, когда войска Сталина стояли у ворот города. Эти трагические события не должны заставить нас обойти вниманием сложность и разнообразие польского сопротивления, которому удалось построить настоящее тайное государство, подпольное общество с многочисленными разветвлениями в промежуточных пространствах официального общества. Сопротивление тогда называлось «служением». Польский народ служил своему отечеству в самых разнообразных проявлениях, как в вооруженных, так и в невооруженных. По словам Яна Карского, одного из самых известных подпольщиков, сопротивление с самого начала было организовано *в этой атмосфере всеобщего соучастия без единогласия* вокруг двух главных направлений действия: «Первое: в каком бы направлении ни шла война, поляки отказываются сотрудничать с немцами в какой-либо форме; Второе: польское государство будет сохранено благодаря существованию подпольной администрации, сотрудничающей с правительством в изгнании.»

Это тайное государство, организованное в течение первых трех лет оккупации во взаимодействии с правительством в изгнании генерала Владислава Сикорского, состояло из пяти отделов: административной части, подпольной армии, политического и парламентского представительства, управления гражданским сопротивлением, и координационного комитета, представлявшего экономические, образовательные, религиозные и другие группы. Поразительно, что самый настоящий «парламент», который в сокращенной форме объединял политические представительства четырех основных частей страны, продолжал тайно собираться в течение практически всего периода оккупации. Что же касается подпольной армии, то она приобрела себе известность многочисленными актами диверсий и саботажа, создавая обстановку неуверенности, которая в свою очередь привела к репрессиям в самой немецкой армии.

В этом контексте тотальной войны против населения, находящегося под угрозой уничтожения, возник один из самых примечательных случаев гражданского сопротивления в истории нацистской оккупации Европы. Одним из первых мероприятий «германизации» Польши стало уничтожение ее интеллигенции и культуры. Гитлер заявил, что немцы должны устранить правящую элиту польского общества, не выпустить из внимания молодое поколение, которое могло бы заменить ее, и, наконец, ликвидировать его. С первых месяцев оккупации немцы начали охоту на интеллигенцию и, в частности, на ученых. К началу учебного года 5 ноября 1939 года в Кракове все профессора престижного местного университета были арестованы. Были также произведены аресты и казни в юридических, творческих, медицинских и церковных кругах. В ноябре 1939 года все учебные заведения, за исключением начальных школ и ряда технических училищ, были закрыты. Преподавание польского языка, истории и географии было также запрещено. Научные учреждения, радио и театры были похожим образом закрыты.

В этом контексте тотальной агрессии против культуры, польское сопротивление направило свои усилия на спасение того немногого, что можно было спасти, в частности в сфере искусства, а также на создание подпольных образовательных курсов всех уровней. В конце концов Польша обладала долгой традицией подпольного образования, возникшей еще в середине девятнадцатого столетия.

С приходом фашистской оккупации этот исторический рефлекс возродился: массово организовывались подпольные курсы, в основном на территориях Общего управления. В этом подпольном государстве было создано «министерство» образования, которое оплачивало работу учителей за счет средств правительства в изгнании. Поскольку работа начальных школ еще не была запрещена особое значение приобрело преподавание курсов польского языка, истории и географии. В сельской местности, где все знали друг друга, такие дополнительные курсы преподавались в самих школах. В городах же ученики собирались вне обычных классов на курсах, называемых «комплетами», чтобы избежать присутствия подозрительных свидетелей. По словам Иосифа Красуцкого, в 1943-1944 годах около 37 000 студентов получили образование на «комплетях», организованных 2352

учителями. По его расчетам каждый третий или четвертый ученик в Польше обучался на этих параллельных курсах. Однако эта средняя величина не учитывает большие различия между разными регионами. На колонизированных территориях запада Польши значительное присутствие немецких сил сделало организацию «комплетов» практически невозможной. В области Люблина препятствия создавались украинской общиной, которая сотрудничала с оккупантами.

Преподавание подпольных курсов приобрело куда более широкий масштаб в средних школах. Все они немедленно закрывались после своего открытия, но у многих учеников появлялась мотивация продолжать дальнейшую учебу. При поддержке церкви учителя осуществили широкомасштабную организацию «комплет» каждая из которых не имела права преподавать более, чем семи ученикам. Поскольку технические и торговые училища (обучающие механике, швейному делу и т.д.) не были запрещены учителя не замедлили этим воспользоваться, употребляя официальные программные часы на другие цели. Например вместо прохождения курса коммерческой переписки студенты изучали польский язык или историю. Подсчитано, что в этот период около 70 процентов всех учеников средних школ получали образование таким образом; по данным исследователей, из 90 000 учеников, начавших учебу до начала войны, около 60 000 прошли через «комплеты» в 1943-1944 годы. Также считается, что в это же время около 18 000 студентов тайно получили степень бакалавра.

Тайные университеты вероятно являются самым известным аспектом польского подпольного образования. Варшавский университет был первой высшей школой, реорганизованной в подполье в начале 1940 года. Изначально университеты не были склонны начинать работу в таких условиях, но энтузиазм части студентов их переубедил. Первой в феврале 1940 года преподавание начала Школа богословия. Вскоре этому примеру последовали факультеты права, медицины, гуманитарных и других наук. Многие профессора из университета Познани, будучи изгнаны из своего города, переехали в Варшаву. Стремясь продолжить свою преподавательскую и научную деятельность, они создали там "Университет Западных земель" (УЗЗ). Не имея строго очерченной географической базы УЗЗ состоял из разветвленной сети «комплетов», разбросанных по всей Варшаве и ее окрестностях. Первые курсы начали свою работу в декабре 1940 года и к 1943 году в Университете Западных земель даже состоялись выборы университетского ректората. Чтобы получить право посещать курсы студенты должны были дать присягу, обязуясь следовать чрезвычайно строгим инструкциям безопасности. Университет Западных земель сначала организовал факультеты экономики, агрономии и либеральных искусств, а затем факультеты политической экономики и других наук. Что же касается Краковского университета -старейшего из университетов страны, то он возобновил свою деятельность только в 1942 году. Все эти университеты обучали сотни студентов, присуждали научные степени и продолжали публиковать научные работы.

В общей сложности почти 100 000 студентов разного школьного уровня прошли во время войны подпольные курсы. Безусловно, что жесткие условия безопасности, различающиеся методы преподавания и малое количество контактов среди учителей

отрицательно повлияли на качество преподавания. К тому же в течение этого периода практически отсутствовала подготовка новых преподавателей. Однако, учитывая всепроникающий климат террора в стране, подпольное преподавание несомненно являлось самой распространенной и наиболее организованной деятельностью польского сопротивления. Вот как Козневский, один из его бывших лидеров, описывает ее:

«Подпольное обучение на всех уровнях школьного образования было самой замечательной работой, проделанной польским обществом. Ни идеологические трактаты, ни насилие, ни диверсии не были столь продуктивными, как это последнее проявление национального самосознания. Оно спасло наше общество от катастрофы, сопоставимой только с разрушением Варшавы: от возможной потери целых пяти выпускных классов инженеров, архитекторов, врачей, учителей, и других студентов, получивших степень бакалавра».

В странах, где немцы не проявляли подобную жестокость, общество не становилось настолько сплоченным на таком раннем этапе политических репрессий. Напротив, в странах Западной Европы, нацистская тактика «коррекции» обладала даже некоторым соблазном. То, что сопротивление гражданского общества во Франции или Бельгии было незначительным в течение первого года оккупации, было связано не только с внутренними разногласиями, но и с тем, что немцы еще не вели себя слишком жестоко. Начиная с июня 1941 года, когда немцы вступили в войну против Советского Союза, коммунисты начали организовывать вооруженную борьбу, после чего первые террористы подверглись казням, а социально-политический климат в этих странах стал более репрессивным, вызывая растущее недовольство угнетаемого населения.

Было бы упрощением сделать вывод, что физическое насилие было единственным действием оккупантов, которое способствовало возникновению растущей сплоченности гражданского общества против оккупантов. В действительности ухудшение отношений между оккупантами и оккупированным населением было, как правило, обусловлено в большей степени всевозрастающим давлением оккупационного режима на гражданское общество. Решимость Германии максимально использовать плоды своих завоеваний была настолько велика, что оккупированным обществам оставалось желать только одного - конца постоянного и отбирающего все силы давления, которому они подвергались каждый день. Поэтому если новая ситуация оккупации и была относительно терпимой в начале, то с течением времени она становилась всё более и более невыносимой.

Глядя извне отношение к оккупантам значительно изменялось по ходу того, как война приобретала всё более широкий международный масштаб. На внутреннем уровне оккупированных обществ, определяющим фактором в том, как постепенно менялось мнение людей, стало всё то, что влияло на них в их повседневной жизни. Основную роль здесь сыграло экономические проблемы и дефицит, возникшие из-за войны, а также бесконечная эксплуатация со стороны Германии. Даже если

дефицит продовольствия и товаров позволил сколотить состояния игрокам на черном рынке, то большинство населения было им крайне недовольно. Гораздо более серьезным фактором, чем экономика, было давление на мужскую часть населения. Сначала многих молодых мужчин в разной степени призвали в вермахт. Затем многие молодёжь, а также некоторых мужчин более зрелого возраста забрали на принудительные работы в Германию. Это задело многие семьи. Самым невыносимым было то, что их члены были жестоко и произвольно вырваны из своей повседневной жизни. Вся история немецкой оккупации в Западной Европе отмечена этими медленно ухудшающимися отношениями между угнетаемыми и оккупантами из-за чрезмерных и произвольных требований последних. Мало по малу и по своей виненемцы растеряли тот капитал, с которым они пришли – капитал не дружбы, а по крайней мере разумного урегулирования. В этом контексте оккупированные общества в разное время прибегали к массовому движению сопротивления, чтобы выразить свой стихийный протест против удушающей политики. Эти движения подобны механизмам отторжения биологического организма.

Первые массовые забастовки в истории оккупации были вызваны нехваткой продовольствия в северо-западной Европе, которая считалась военной зоной и, следовательно, находилась под властью немецкой военной администрации. Как в Бельгии, так и во Франции первыми выразителями открытого недовольства всего региона выступили шахтеры. Обладая известным сильным чувством солидарности и внутренней сплоченности шахтеры оказались наиболее вероятным рупором для этих жалоб. Поскольку их продукция была необходима для работы германской военной машины, шахтеры, как и металлурги, они могли позволить себе бастовать - в отличие от профессий, обладавших меньшей пользой для оккупантов и, следовательно, более подверженных репрессиям в случае остановки. Нужно отметить, что, согласно немецкому указу, повышение зарплаты запрещалось, а это делало забастовки трудным мероприятием. Тем не менее у шахтеров и металлургов был шанс быть услышанными, поскольку они работали в стратегических областях экономики. Их забастовочное движение начали металлургами 10 мая 1941 года на заводах Колкерилла. Затем стачки распространились до угольного бассейна Льежа. Заработная плата шахтёров не поднималась в течение целого года, вопреки рекомендациям генерала Эггерта Ридера, возглавлявшего бельгийское административное управление. Система распределения продовольствия функционировала плохо, у людей было много жалоб, в особенности из-за отсутствия картофеля, маргарина и мыла. Несмотря на запрет бастовать частичные забастовки начались осенью 1940 года, а к концу января 1941 года движение неожиданно разрослось. Около 10 000 шахтеров прекратили работу, что в частности было вызвано и недавним введением оккупационными властями нового налога. Еще одна забастовка началась на государственном заводе «Герстал» – оборонной фабрике, где 3 000 из 4 000 работающих требовали увеличить норму выдачи картофеля. В этой кипящей обстановке в период с 10 по 20 мая работу прекратили десятки тысяч шахтеров. Забастовка мгновенно распространилась с угольного бассейна Льеж до Эно и Лимбурга. Бастующие требовали улучшений в распределении продовольствия для всего населения, повышения зарплаты, а также отмены части налогов. Среди них были произведены аресты, но шахтеры добились частичного удовлетворения своих

требований: восьмипроцентной прибавки к зарплате и выдачи дополнительных продовольственных карточек. Эти рабочие были необходимы оккупантам.

Неделю спустя, такой же тип протеста начался на шахтах в департаментах Норд и Па-де-Кале на французской стороне границы. Спорадические забастовки также вспыхнули осенью 1940 года. К всеобщему удивлению день праздника 11 ноября (который снова стал обычным рабочим днем), тридцать процентов шахтеров не вышли в забой. В январе и марте 1941 года состоялось еще больше частичных забастовок. Первого мая удалось показать свою силу Коммунистической партии - одной из самых влиятельных в регионе. Несмотря на присутствие многочисленных сил полиции в то утро над рудниками зареяли десятки красных флагов. В этой напряженной атмосфере 27 мая 1941 года разразилось самое значительное массовое движение в истории оккупированной Франции. Лидер коммунистов Огюст Лекер оставил важные свидетельства о том, это происходило. Протест начался на шахте Дурж, называемой "Дахоми", и медленно распространился на другие забой. Протестующие требовали повышения норм продовольствия, увеличение зарплат и улучшение условий труда. Начальники шахт воспользовались фактом немецкой оккупации для того, чтобы отменить ранее достигнутые договоренности по зарплате, а также коллективный договор 1936 года. На следующий день, 28 мая, французские власти произвели аресты, но обстановка среди шахтеров оставалась спокойной. Несмотря на репрессии забастовка продолжала распространяться, опираясь на помощь женщин, которые помогли мобилизовать самых сдержанных работников. 4 июня, когда протесты достигли своего максимума, работу остановили около 80 процентов шахтеров (почти 100 тысяч работников). Стачки затронули все производственные процессы, как на шахтах, так на зависящих от них заводах, например, коксохимических. Рабочие из других отраслей региона (металлургии, ткацких фабрик и плиточных заводов) тоже начали присоединяться к протестам. Горняцкие общины попали под настоящую осаду, в которой участвовали немецкие войска. Были арестованы сотни людей, в том числе десятки женщин. Военно-полевые суды выносили приговоры, согласно которым бастующих обязывали к принудительному труду: 235 человек были депортированы, из них 130 - бесследно. Владельцы угольной компании пригрозили не выплачивать шахтерам зарплату за вторую половину мая, если те быстро не приступят к работе. К 10 июня протест был подавлен. Оккупанты в дальнейшем пошли на некоторые уступки, особенно относительно улучшения снабжения продовольствием, но за это была заплачена слишком высокая цена. Тем не менее автор исторической монографии о Коммунистической партии в годы войны, Стефан Куртуа отметил, что это «заслуга коммунистов в том, что, вне зависимости от направленности их планов на конфронтацию с оккупантами, они организовали первое массовое протестное движение, которое боролось с самим фактом оккупации».

Немногим более, чем через год, серьезная забастовка разразилась в Великом Княжестве Люксембург в ответ на принудительный призыв молодежи в немецкую армию. После вторжения немцев 10 мая 1940 года королевская семья и правительство этой маленькой нейтральной страны перебрались в Англию. Люксембург представлял большой интерес для Германии благодаря горной и

металлургической промышленности. . Но у Берлина были и другие планыотносительнонаселения Люксембурга. Поскольку фашисты считали, что последние, как и народ Эльзаса и Лотарингии, имеют германское происхождение, то Германия была полна решимости присоединить их к рейху; соответственно, все эти три территории были под прямым управлением одного гаулейтера. После того, как немецкое наступление против Советского Союза зимой 1941-1942 годов захлебнулось, Гитлер стал нуждаться в новых войсках. Чтобы их привлечь , немецкий генеральный штаб предложил сделать аннексию этих трех территорий официальной, что позволило бы присвоить немецкое гражданство их населению. В таком случаемолодые мужчины из Люксембурга, Эльзаса и Лотарингии согласно законодательству были обязаны служить в немецкой армии. 24 августа 1942 года Министерство внутренних дел в Берлине издало приказ по этому поводу. Так произошла трагедия в жизни этих насильно призываемых молодых людей, которые стали называться «малгре-ну», или «солдатами вопреки собственному желанию». Жители Эльзаса и Лотарингии пытался бежать в Вогезы или Швейцарию. В Люксембурге об этом нововведении объявил гаулейтер Густав Симон 30 августа.На следующий же день это вызвало забастовку в горнодобывающем бассейне Эш, которая распространилась до самой столицы княжества. Самыми активными в мобилизации масс для участия в протестах оказались студенты. Забастовка продолжалась до 4 сентября. После этого немцы взяли местность в осаду и немедленно начались жестокие репрессии. Сотни людей были арестованы, 40 депортировано, а 21 юношуприговорили к смерти. В речи, произнесенной через несколько дней, гаулейтер пригрозил населению массовыми депортациями. Он также проронил короткую фразу, которую сразу же распространили радио «Би-Би-Си»BBC Соппротивление: «В частности на Западе, Люксембург представляет из себя хоть и второстепенную, но постоянную опасность для жизни всей немецкой нации».

Этот принудительный призыв в вермахт затронул тогда лишь небольшую часть населения Западной Европы. Однако начиная с сентября 1942 года на принудительные работы в Германию выслали сотни тысяч жителей Бельгии, Голландии и Франции. затронули =. После нескольких месяцев затишья, в течение которых население этих стран было буквально шокировано таким жестоким отношением, общественное мнение стало более негативно настроенным к нацистам. Начиная с весны, а особенно с лета 1943 года, пр изовники стали уходить в подполье десятками тысяч .

Ниже мы обсудим формы, которые приняло это стихийное движение неповиновения, особенно во Франции. Однако именно в Голландии меры немцев вызвали самую быструю и впечатляющую реакцию массового протеста. Именно там в конце апреля 1943 года состоялась вероятно самая крупная забастовка в истории нацистской оккупации Европы. Подсчитано, что в ней приняли участи около полумиллиона человек. Чтобы удовлетворить свою потребность в рабочей силеБерлин задумал «призвать на службу» десятки тысяч голландских солдат, которые интернировали в 1940 году, а затем освободили. Это решение, объявленное 29 апреля генералом Кристиансенем, привело голландцев в состояние шока. Спонтанная забастовка тут же вспыхнула в области Хенгело, вскоре достигнув горяцкого района в Лимбурге и

заводов «Филипс» в Эйндховене. Протесты распространялись в основном в пределах промышленных районов страны, где владельцы предприятий не проявляли к ним особой враждебности. Исключительным фактом было то, движение протеста распространилось также и на сельскохозяйственные районы. Во многих местах крестьяне и транспортники отказывались доставлять молоко кооперативам. 30 апреля несколько сотен тысяч человек прекратили работу. В нескольких городах вспыхнули уличные протесты, которые были быстро подавлены. В полной неожиданности от такого темпа распространения забастовки, немцы объявили осадное положение. Десятки людей были казнены по приказу немецких военно-полевых судов. После 3 мая протесты быстро утихли, но во Фрисланде и Северном Брабанте они продолжались до 8 мая. Их психологические и политические последствия были значительными, приведя к окончательному разрыву между общественным мнением и оккупационным режимом. Забастовки радикализировали дополнительные группы населения, особенно в сельской местности, в результате чего всё большее количество людей по всей стране помогало укрываться тем, кого хотели депортировать на работу в Германию. Таким образом введение трудовой повинности возымело катастрофические последствия для того народа, который её ввел. Так Германия настроила против себя нарастающее движение протеста с такой степенью внутренней сплоченности, которой не существовало до 1943 года. Объективным показателем этой новой сплоченности было многократное проявление солидарности с угоняемыми на работу среди большинства социальных слоёв. С этой поры организованное сопротивление стало приобретать свои истинные масштабы. Его численность увеличивалась, а население становилось всё более восприимчивым к его идеям. Таким образом собственная политика дорого далась оккупантам..

Законы реагирования

Гражданское сопротивление (хотя всегда нужно использовать эту фразу во множественном числе – гражданские сопротивления) развивалось очень непросто. Сначала оккупированному народу приходилось восстанавливать в себе определенную целостность, являющуюся результатом либо своего собственного внутреннего политического равновесия до войны, либо сущности, либо природой развития оккупационного режима. Часто было сложно осуществить подобный процесс формирования «сопротивленческой целостности» в гражданском обществе было . В основном он являлся результатом прогрессирующей секторной мобилизации различных общественных и профессиональных групп. Многие из упомянутых здесь конкретных событий представляли из себя состояния кризиса, при помощи которых оккупированное общество выражало своё неприятие какого-либо аспекта оккупационной политики. Данные кризисы, которые могли быть демонстративными, спорадическими или долго длящимися, по самым разным причинам мобилизовали и призывали к действию конкретные общественные или профессиональные группы. Как правило, масштаб этих кризисов в равной степени удивлял своими размерами как оккупантов, так и лидеров сопротивления.

Эти случаи протестных выступлений часто были результатом не предварительного сознательно организованного протеста, а «реагирования» вышеупомянутых групп на условия, которые уже нельзя было выносить больше. Каждая из этих различных

групп выступала против оккупационного режима с позиций собственного контекста и подхода к ситуации. У каждой из этих групп были свои конкретные условия, события или символы, призывающие её к мобилизации. Так, например, в Бельгии, протесты 11 ноября 1940 были по большей части вызваны привязанностью местной буржуазии к националистическим ценностям, в то время как несколько месяцев спустя шахтеры из бассейна Льеж протестовали против ухудшения условий жизни. В Норвегии наступление оккупационного режима на систему школьного образования спровоцировало протест учителей, а его нападки на религию вызвали сопротивление духовенства. Многие группы в обществе прошли через собственных свои ключевые моменты, сподвигшие их на борьбу согласно своим внутренним методам и установкам.

Развитие сопротивления следовало после серии цепных реакций в обществе, которые подталкивали определенные элементы в этих группах к действию. Это напоминало процессы химического реагирования. Когда эти частичные выступления сливались воедино, то становились основой создания национального движения сопротивления. В этом смысле гражданские движения сопротивления являлись как бы отдельными шагами на этом трудном пути, ведущему к организованному национальному сопротивлению. Этот процесс не обязательно должен был принимать одинаковые формы, соответствующие первоначальному положению законной политической власти по отношению к оккупантам. Однако, скорость, с которой проявлялась реакция различных элементов в обществе, вероятно, была выше в странах, где легитимная политическая власть отказывалась сотрудничать с оккупантами. В любом случае мы можем различить три классические фазы сопротивления как в этих, так и в других странах: сначала сопротивление является спонтанным, потом становится организованным и, наконец, соединяется воедино. Доказано, что независимо от исходной ситуации, общество невозможно мобилизовать так же, как армию.

Тем не менее массовый характер упоминаемых здесь движений не должен вводить нас в заблуждение относительно их истинной природы. Естественно, что борьба за сохранение школьных систем в Норвегии и Польше или профессиональной медицины в Нидерландах может вполне напоминать крестовый поход в защиту национальных ценностей. Но это было не всегда так. Например, те забастовки, которые приводили к улучшению снабжения продовольствием, должны считаться действиями, направленными не столько на вызов самому принципу оккупации, сколько на то, чтобы устранить её самые невыносимые аспекты. Такой ограниченный масштаб акций протеста характеризовал протесты норвежских учителей: они скорее боролись против Квислинга, чем против Тербовена. Тем не менее природа процессов, спонтанно мобилизуя определенные группы на борьбу, приводила к дальнейшему распространению радикализации. Вне зависимости от того, какие требования он выдвигает – экономические или гражданские – любой конфликт может быстро выявить политическую природу противостояния сторон. После этого отдельные лица или группы уже могут переходить от обычных протестов к политическим акциям. Такой классический процесс радикализации порождает то,

что обычно называется «сопротивлением», то есть организованным политическим движением, борющимся против оккупации своей страны.

Жестокость, с которой оккупанты подавляли некоторые забастовки или демонстрации, помогла их участникам понять, что их истинным врагом на самом деле являлись захватчики. Кроме того многие историки отметили увеличение распространения нелегальной литературы и рост членства в группах сопротивления после подобных общественных протестов. Таковы два объективных признака возрастающей радикализации. Нелегальная пресса и подпольное движение представляются теми двумя основными «векторами» которые наиболее осязательно олицетворяют появление сопротивления, как оппозиционной политической силы. Множественность названий нелегальных изданий превращала их в идеологическую ипостась сопротивления, в то время как разнообразие протестных движений служило его институциональным выражением.

Необходимо подчеркнуть центральную роль подпольной прессы в общем развитии институционального сопротивления. Её существование не должно рассматриваться, как всего лишь один из многих элементов в сопротивлении нацизму. Она не принадлежит к таким же категориям сопротивления, как саботаж, разведывательная деятельность, марши протеста и тому подобное. Подпольная пресса также не является простым инструментом контрпропаганды в психологической войне, проводимой враждующими сторонами. Существование этой прессы было тем центральным стержнем, вокруг которого организовывались и развивались внутренние движения сопротивления. Похоже, что сопротивлению был необходим первоначальный идеологический базис для того, чтобы уже затем развивать свои боевые структуры. Поэтому вначале участники сопротивления занимались распространением брошюр, бюллетеней и различных периодических изданий, чтобы сформулировать те ценности, ради которых они вступили в борьбу с нацизмом. Подпольная пресса функционировала скорее из силы убеждения, нежели из желания распространять информацию. Её функция заключалась не столько в обращении к тем, кого она хотела собрать под свои знамена, сколько в том, чтобы убедить сомневающихся и выработать коллективное сознание, которое смогло бы послужить основой неприятия новоустановленного порядка оккупации.

Подпольная пресса способствовали воздвижению «идеологических стен», которые послужили оплотом для организации сопротивления. Нелегальные газеты часто являлись ядром организованной оппозиции из которой потом действительно появлялась группа, вдохновленные общим идеалом. После формирования такого ядра оно начинало действовать как магнит, привлекая новые кадры для действия, в то время как общая международная обстановка, ошибки немцами вышеупомянутые кризисы в обществе способствовали растущей радикализации всё больших и больших масс людей. Появление новых участников позволяло группам диверсифицировать свои действия и таким образом лучше реагировать на потребности текущего момента. Помимо издания газет такие группы начинали принимать все более активное участие в подделке удостоверений личности, а потом и в организации диверсионных актов. Таким образом подпольная пресса гарантировала появление некой идеологической сплоченности среди участников

сопротивления, что впоследствии привело к выработке конкретных действий против оккупантов.

Из данного анализа вытекают два основных, но маловразумительных вопроса. Если рост сопротивления следовал логике реагирования на конкретные аспекты нацистской политики, то можно утверждать, что он произошел в основном из-за ошибок и топорности действий оккупанта, что было особенно верно в отношении стран Западной Европы. Как заметил с юмором один бельгийский историк, «в каких бы формах оно не проявлялось, бельгийское сопротивление являлось прежде всего незапланированной реакцией на действия противника, чьи промахи затрагивали все большее и большее количество людей – например, на реквизицию картофеля, без которого не может обойтись ни один бельгиец.» Таким образом должны ли мы считать задним числом, что развитие сопротивления было неизбежным и что его рост был вызван всего лишь утверждением среди населения недовольства наиболее непопулярными мерами оккупанта? Или же мы должны сделать вывод, что, если бы захватчик вел себя лучше и более продумывал свою политику оккупации, то внутреннее движение сопротивления осталось бы таким же малозаметным и безвредным, каким оно было в самом начале?